

ИССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ЖАНРОВ

УДК 81.23.37

ББК 81.5

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-4-20-261-269>

С. Ю. Данилов
Екатеринбург, Россия

Sergey Yu. Danilov
Ekaterinburg, Russia

ПРИНЦИПИАЛЬНЫЙ ОТКАЗ В КЛЮЧЕ
ОТКРОВЕННОСТИASPECTS OF FRANKNESS OF THE REFUSAL
BASED ON PERSONAL PRINCIPLES
(CATEGORICAL REFUSAL)

Русская откровенность неоднократно становилась предметом лингвокультурного описания в трудах Е. М. Верецагина, В. В. Дементьева и др. В диссертации М. М. Наумовой собрана обширная литература вопроса. В данной статье предлагается взгляд на откровенность как одну из констант русской лингвокультуры сквозь призму речевого жанра отказа. Названный жанр – крупный коммуникативный феномен, в котором можно выявить более конкретные речевые явления. Принципиальный отказ – это речевой жанр, требующий откровенности, которая организует соответствующую коммуникацию, становится залогом эффективного и содержательного общения. Автор рассматриваются сигналы ситуации принципиального отказа: разрыв отношений, столкновение ценностей установок, например, профессиональных и общечеловеческих ценностей, публичная откровенность. Описываются ценностные установки принципиального отказа, а также особенности его вербализации. Важнейшей чертой принципиального отказа оказывается последовательность его воплощения, долгосрочность, независимость от ситуационных изменений. Основной вывод: откровенность как константа русской лингвокультуры организует коммуникативное взаимодействие в критических ситуациях, в том числе в ситуации принципиального отказа. В качестве материала привлечены данные Национального корпуса русского языка, тексты из авторского архива, а также записанные и подготовленные автором речежанровые интервью, в которых коммуниканты откровенно обсуждали случаи принципиального отказа.

Ключевые слова: речевые жанры, речевое событие, ассоциативный словарь, вербальные ассоциации, психолингвистика, когнитивная лингвистика, многозначность, лексикографическое и психолингвистическое значение слова.

Сведения об авторе: Данилов Сергей Юрьевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры риторики и стилистики русского языка. Место работы: Уральский федеральный университет имени Б. Н. Ельцина, Екатеринбург. E-mail: sev79@list.ru <https://orcid.org/0000-0001-5197-177X>

Russian frankness in a linguocultural aspect has been researched by some Russian linguists, such as E. M. Vereschagin, V. V. Demytyev, etc. A vast list of literature referred to this issue can be found in the dissertation of M. M. Naumova. The article suggests considering frankness as one of the constants of Russian linguoculture through the speech genre of refusal. The above mentioned genre is a large communicative phenomenon. Categorical refusal is a speech genre which requires frankness leading to effective communication. The author pays attention to the signs of situation of the categorical refusal – breaking up, collision of value orientations (job and universal values), public frankness. The article describes the value orientations of a fundamental refusal and its verbalization. The main feature of the categorical refusal is a sequence of its implementation, durability, independence from up-to-the-minute changes. The main conclusion: frankness as a constant of Russian linguoculture organizes communicative interaction in critical situations, including the situations of categorical refusal. Research materials: Russian National Corpus, texts from the author's archive, recorded speech genre interviews containing frank discussions of the situations of fundamental refusals.

Key words: speech genre, refusal based on personal principles (categorical refusal), frankness, value orientation, constants of Russian linguoculture.

About the author: Danilov Sergey Yurievich, Ph.D. in Philology, Associate Professor of the Department of Rhetoric and Stylistics of Russian. Place of employment: Ural Federal University, Ekaterinburg. E-mail: sev79@list.ru <https://orcid.org/0000-0001-5197-177X>

Зафиксировать в записи принципиальный отказ, не прибегая к провокации, сложно, так как возникает соответствующая ситуация неожиданно, зачастую в общении с мало-знакомыми людьми, чьи мировоззренческие установки неизвестны. Вместе с тем принципиальные отказы долго хранятся в памяти. Они связаны с личностным очагом напряженности (принципы, мировоззренческие установки далеко не всегда хранятся в готовом виде, зачастую они формулируются именно в момент, когда требуется их вербализация). На первом этапе настоящего исследования осмыслению подвергался жизненный опыт автора. На основе интроспекции были подготовлены вопросы, после чего было проведено интервьюирование носителей русского языка, которые, с одной стороны, готовы к откровенному разговору (коммуниканты давно знакомы, имеют общий коммуникативный опыт, в том числе в обсуждении сокровенных тем), с другой стороны, по мнению автора, это люди, типично отстаивающие свои принципы, склонные к их прояснению. Результаты интроспекции частично попали в интервью, стали основой для высказываний интервьюера. В качестве материала привлечены интервью, расшифрованные с диктофона или полученные в ходе личных бесед в социальной сети.

РЖ отказа и откровенность

Ответной реакцией на предложение, просьбу, требование, запрос информации, запрос совета, а иногда на приказ, команду может стать отказ. В научной литературе отдельное внимание уделяется месту отказа в ряду актов негативной реакции [1–3], способам смягчения отказа [4, 5], манипулятивным реализациям интенции отказа [6]. О. В. Бычихиной выполнено комплексное описание семантических, прагматических, когнитивных параметров речевого жанра отказа в диалогическом единстве, включающем «инициальную реплику-стимул и реплику-реакцию на нее (собственно отказ)» [7 : 5]. В диссертационном исследовании выявлен сценарий отказа: «а) отказ, будучи самой частотной реакцией на реплику с императивным содержанием (данные РАС), свидетельствует об отрицательном подходе к решению дел, характерном для социума; б) это негативный РЖ, отрицательно воздействующий на собеседника, зона коммуникативного риска, к которой тяготеют отказы следующих типов: категоричный, немотивированный, коммуникативно не оправданный и др.; в) в сценарий отказа входит информация о том, как смягчить его травмирующее воздействие, как отказать, не разрушая коммуникацию, как совместить

речевые максимы и интенции говорящего отказать своему адресату» [7 : 6–7]. Из сказанного вытекает, что отказ характеризует русскую лингвокультуру, типично сопровождается (особенно в неформальном общении) выплеском эмоций и провоцирует на осознанную или спонтанную (неожиданную для говорящего) откровенность. Прямые и косвенные, категоричные / некатегоричные, мотивированные / немотивированные, коммуникативно оправданные (нацеленные на сохранение коммуникативного равновесия) / неоправданные (разрушение равновесия) изучены в продуктивном разграничении средств выражения отказа и средств описания отказа в речи, особое внимание уделено разграничению отказов полных и частичных, себе и другому, на реальную реплику или предполагаемую [Там же : 10–17]. Рассматривая русский речевой жанр отказа в ключе откровенности [8–12], мы вынуждены опираться не столько на средства выражения РЖ, сколько на описание отказа коммуникантами.

Сам по себе отказ вряд ли может быть изучен как откровенный или неоткровенный. Словосочетание «откровенный отказ» воспринимается как синоним прямого (открытого) и / или категоричного отказа. Однако среди многообразия отказов особое место в русской лингвокультуре занимает *принципиальный отказ*. Рассматривая соответствующие контексты в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ), мы можем отметить, что названным словосочетанием описывается целый ряд явлений. Ср.:

1) 'отказаться полностью и категорично':

Но **принципиально я не решусь отказаться** от возможности удара на расстоянии уже потому, что это значило бы отказаться от принципиальной возможности телеграфа без проволоки, который мы не сегодня завтра иметь будем (НКРЯ; А. В. Амфитеатов. Жар-цвет (1895)); у Раскина природа отключена от жизни, и человек ни вокруг себя, ни внутри не может обрести собеседника, а от «провиденциального собеседника» (Мандельштам) он **отказался принципиально**. Стихи эти если и элегии, то странные, вывернутые наизнанку, которые уместно будет по аналогии с одами Алексея Машевского назвать «безблагодатными» (НКРЯ; Василий Русаков. Безблагодатные элегии Давида Раскина // «Звезда», 2002);

2) 'отказаться, отстаивая собственные принципы':

после того как Марченко **отказался по принципиальным соображениям** от желательной для его притеснителей эмиграции через Израиль, он был арестован и осужден на ссылку (НКРЯ; А. Д. Сахаров. О стране и мире (1975));

3) 'отказаться на словах, теоретически' (перен.):

Современный оппортунизм в лице его главного представителя, бывшего марксиста К. Каутского, подпадает целиком под приведенную характеристику буржуазной позиции у Маркса, ибо этот оппортунизм ограничивает область признания классовой борьбы областью буржуазных отношений. (А внутри этой области, в рамках ее **ни один образованный либерал не откажется «принципиально» признать классовую борьбу!**) Оппортунизм не доводит признания классовой борьбы как раз до самого главного, до периода перехода от капитализма к коммунизму, до периода свержения буржуазии и полного уничтожения ее (НКРЯ; В. И. Ленин. Государство и революция (1917)).

Кроме того, принципиальный отказ соотносится с отказом от принципов:

Столкнувшись на практике с этим могуществом религии, социализм должен был отступить перед ним. Оказывалось, что его пропаганда не может вытеснить и заменить церковную проповедь, и он должен был **отказаться от принципиальной борьбы** с религией и провозгласить ее частным делом каждого. В виде любопытной подробности следует отметить, что некоторые из ораторов, отстаивавших на съезде в Галле необходимость уважать религиозную свободу, указывали на то, что особенно в деревне надо остерегаться затрагивать религию. Так, предлагался особый «социализм для деревни», совершенно несогласный с абсолютным социализмом Маркса (НКРЯ; П. И. Новгородцев. Об общественном идеале. Глава II (1917–1921)).

Представленные значения и употребления пересекаются в русской лингвокультуре и проясняются в сопоставлении с манипулятивным отказом. Т. В. Нестерова, разграничивая речевой акт и речевой жанр отказа, а также косвенный речевой акт и косвенный речевой жанр (что, на наш взгляд, очень продуктивно при анализе материала) и описывая типичные манипуляции (*отказ уходом от ответа, отказ ссылкой на плохое самочувствие, отказ жениться под псевдоблаговидным предложением, отказ – псевдосогласие, отказ путем переубеждения*), приходит к такому выводу: «Манипулятивные реализации интенции отказа в большинстве случаев направлены на сохранение кооперации в общении. Предпочтение косвенных форм прямым, а также манипулятивных неманипулятивным способствует сохранению «лица» как субъектом отказа, так и объектом отказа; позволяет повысить вероятность того, что планируемый перлокутивный эффект от данных тактик действительно осуществится» [б: 64]. С этих позиций «принципиальный отказ» осмысливается как необходимый, то есть такой, ради которого можно пренебречь «сохранением лица» и установкой на бесконфликтную кооперацию.

... у меня сразу какие-то / личные отношения // Вот / в этом случае / потому что наверное это было

самое-самое такое / болезненное / когда ты встречаешься с человеком / и должен ему отказать // Сказать что нет / нет / это / сначала ты как бы скользишь / скользишь / скользишь / но надо сказать нет / в этом случае нужно сказать нет / и меня / когда ты это говоришь / это / очень-очень тяжело / но потом / очень-очень легко // Вот / Вот / ты сделал именно так / но это очень тяжело было делать / что вот отказать / именно человеку / имеется в виду / конечно женщине // Что касается всего остального там / как-то попроще / но отказывать / тяжело // (Архив автора. Речежанровое интервью).

Принципиальный отказ как интеллектуальное, речевое и / или физическое действие типично требует от говорящего предельной откровенности. Если манипулятор, не желая идти на компромисс, «не обнаруживает перед объектом манипуляции сам конфликт интересов, не идет на открытую конфронтацию» [Там же], то в ситуации принципиального отказа говорящий готов вскрыть конфликт интересов и пойти на открытую конфронтацию, проясняя свои мировоззренческие установки.

Ситуации принципиального отказа

Самые яркие случаи принципиального отказа в личном неформальном общении возникают в ситуации разрыва отношений с давним знакомым, приятелем, другом (вероятно, даже с близким родственником). Знаком принципиальности отказа поддерживать хорошие отношения и становится прекращение общения, а не обязательность вербализации принципов

С. у меня в семье истории некоторых памятных отказов хранятся, пересказываются, есть ли у вас что-то подобное, если есть то расскажите эту историю отказа, может, судьбоносного, может, характеристику дающего

А. это скорее анекдотический случай, хотя есть и другой, драматичный.

анекдотический – дед восстанавливал после войны Петродворец и его вместе с семьей звали жить в Ленинград, а баба – отказалась: дом, хозяйство. а так жили бы мы в Ленинграде)))

С. тогда мы бы все не перезнакомились)

А. через Д. бы как-нибудь) уж если судьба, так и там нашла бы)

С. действительно, а драматичный?

А. драматичный – мама ушла и не простила своего любимого, который ей изменил, в ее студенческие годы дело было; примерно раз в год мне рассказывает эту историю, до сих пор она в ней болит

С. отказалась простить?

А. отказалась даже общаться, четыре года ходила мимо по коридорам и ни разу не сказала ему больше ни слова; он несколько раз в жизни к ней потом приезжал, спустя десять лет, двадцать и т. д.; пытался вспоминать хорошее – она не поддержала, так что **отказалась простить** – да (Архив автора. Ночной диалог коллег в соцсети (личные сообщения, тема – отказ). С., мужск., 43; А., женск., 30–35 (2015))

Однако после разрыва, иногда сопровождающегося выяснением отношений, причины легко проговариваются, формулируются как мировоззренческие установки:

Все просил работы, жаловался, что деньги нужны, нахватал три ставки, а потом уволился и оказалось, в отчетах **сплошное вранье. Еще и меня подставил. Вот и хватит. Подружили и будет** (Архив автора).

Разрыв отношений необязательно связан межличностными отношениями. Осмысление своего или чужого принципиального отказа дает толчок к переосмыслению собственных действий, в следующем примере – уход кандидата наук, получавшего второе высшее, из вуза:

С. понятно, а бывает ли у вас ощущение, что вам отказали грубо, невежливо, может быть, припомните конкретный случай, когда отказ обидел

А. попытаюсь

вообще мне кажется, что мне нечасто отказывают, тем более грубо или невежливо, поэтому надо вспоминать

С. припомните, может быть, вопрос не в форме отказа, а в том, что вам было очень важно, чтобы согласились, а вам отказали

А. мне кроме моих личных бед, о которых я естественно не буду рассказывать, как-то не вспоминается, чтобы было прямо очень важно; наверное, мне не очень важно, поэтому я забываю

правда, сию вспоминаю и не вспоминается ничего.

ну вот в ЕГТИ два с половиной года назад – историк настоял на том, чтобы я посетила его лекции и пришла на зачет, а мне было нужно быть здесь, в Тагиле. В те дни Геры не стало – не знаю, как об этом сказать в интервью, ну не стало близкого человека, а этот товарищ требовал, чтобы я сидела и слушала, как он, извините, красуется. Мои чувства по отношению к этому дядьке вот сейчас – просто взрыв негодования и горечи. В ЕГТИ я училась на заочке на продюсера и потом ушла

С. да, это очень тяжелый случай, А. упоминал мне как-то о вашем уходе из ЕГТИ (Архив автора. Ночной диалог коллег в соцсети (личные сообщения, тема – отказ). С., мужск., 43; А., женск., 30–35 (2015)).

В приведенном выше фрагменте хорошо видно, что один отказ вызывает другой. Преподаватель считает принципиальным посещение его занятий, использует принцип «невзирая на лица», опирается на представление о профессионализме и т. п. Студент, ранее прослушавший подобный курс, видит в этом бесчеловечность и причину отказа от общения, а также от продолжения обучения. Следовательно, принципиальность отказа более всего определяется личностью отказывающегося, а также способностью индивида придерживаться собственных мировоззренческих установок:

Никто не заподозрит меня в любви к монахам и монашеству: но “свобода инока” в её поэтических оттенках, в её душевных оттенках, в её прелести и глубине, в её *личности и человечности*, для меня священнее свободы парижских бульваров и русских социал-демократических митингов. Согласятся ли со мною в этом *вкус* наши рационалисты? Нет. А между тем я враг *монашества*: таким образом, и с **ними я никогда не соглашусь** в *качественной оценке*, в качественном *определении* требующейся свободы; и скажу просто, что ихняя “свобода” мне ни на что не нужна, что за неё я не заплачу двух копеек. (...) Суть не в том, чтобы “написать комедию”, т. е. вот столько-то действий и с такими-то смешными персонажами, а написать как *Грибоедов*, как *Фонвизин*, как *Мольер* или *Шекспир* (НКРЯ; В. В. Розанов. На лекции о Достоевском (1909)).

Принципиальный отказ порой становится публичным. Только на первый взгляд мы противоречим одному из определяющих параметров откровенного разговора. По сути же публичность в ситуации принципиального отказа специфична, она связана с привлечением третьих лиц (*Пойдем со мной, одного он меня заговорит; говорить я буду, ты просто рядом для авторитета постоишь; хоть ты ему скажи, меня он даже слушать не станет; мне не о чем с ним разговаривать, так ему и передайте; при свидетелях тебе говорю*), роль которых может уточняться. В Национальном корпусе русского языка на точный запрос «хоть ты ему» получили 11 документов, 11 вхождений. Из них 7 связаны с осмыслением отказа как проявления настойчивости и / или самодурства (*хоть кол на голове теши, хоть колокольным языком об лоб, хоть что ему*):

Не раз, ввиду подобных фактов, матушка заподозривала Конона в затаенной строптивости, но, по размышлении, оставила свои подозрения и убедилась, что гораздо проще объяснить его поведение тем, что он – «природный олух». Эта кличка была как раз ему впору; она вполне исчерпывала его внутреннее содержание и определяла все поступки. Конечно, постоянно иметь перед глазами «олуха» было своего рода божеским наказанием; но так как все кругом так жили, все такими же олухами были окружены, то приходилось мириться с этим фактом. Все одно: **хоть ты ему говори, хоть нет**, – ни слова, ни даже наказания, ничто не подействует, и олух, сам того не понимая, поставит-таки на своем. Хорошо, хоть вина не пьет – и за то спасибо (НКРЯ; М. Е. Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина. Житие Никанора Затрапезного, пошехонского дворянина (1887–1889)).

Еще 3 из 11 – призывают на помощь авторитетного в рассматриваемой ситуации собеседника. В приведенном примере подчеркивается личностная обоснованность отказа, которой не следует противопоставлять чужие авторитеты и / или условное «большинство», то есть принципиальность фиксируется не отказыва-

ющимся, а потенциальным уговаривающим, такой коммуникативный ход характерен для откровенного разговора, где позиции говорящих не должны быть заранее заданы:

- Нет уж, – он довольно резко отвел руку.
- Ну и напрасно. Сам рубишь сук. Джулия, **скажи хоть ты ему!**
- **Человек сам должен прийти**, – заступилась Джулия. – **Принять сердцем. А иначе не поможет** (Михаил Чулаки. Примус // «Звезда», 2002).

Ценностные основания принципиального отказа

Этические установки образуют фундамент для принципиальных отказов:

‘не злословь’

А. сама отказывала так, да, но скорее дело было не в “принципах”, почему-то мне это слово кажется упертым, а в том, что для меня что-то невозможно; если я на это соглашусь, то нарушу какую-то собственную целостность и жить так не смогу, это больше, чем принципы

С. знаю тех, кто отказывается ходить на кладбище, говорят – дело принципа, объясняют, что у них все близкие в душе. а вы на что не соглашаетесь?

А. пообсуждать / посплетничать близких и любимых, ухажу от разговора, если человек не хочет понять и настаивает – спрашивает или смакует в рассказе какие-то “подробности”, то в дальнейшем с этим человеком стараюсь не общаться, он исключается из моих собеседников, не прощаю его

за то, что он плохо говорил о тех, кто мне дорог [Ночной диалог коллег в соцсети (личные сообщения, тема – отказ). С., мужск., 43; А., женск., 30–35 (2015)];

‘нельзя жить за чужой счет’

С. ну вот у меня с родными куча историй. холодильник я все не покупала, кровать там. папа ведь изводился. а я ничего не хочу. и ответ у меня один – не хочу, не надо. и без вариантов. **от денег их всегда отказываюсь сейчас всегда. это для меня очень важно. только если в долг с оговоренными сроками (...)**

Н. По поводу денег да

Это серьезно

Я отказываю жестко [Диалог подруг в соцсети (личные сообщения, тема – отказ). 25–27 лет (2015)];

‘неволя неприемлема’

А. Вообще ты часто отказываешь людям?

Б. Ммммм // Не часто / но уж если отказываю / то все //

А. Ну а когда есть же какие-то вещи, от которых ты всегда отказываешься / просто потому что не любишь и не делаешь еще че-то //

Б. Да //

А. Например что?

Б. Ну поход в цирк или в зоопарк //

А. Не ходишь никогда?

Б. Ну буду отказываться //

А. Вот но этот отказ

Б. Ну в цирк будет точно принципиальным //

А. Ты как-то сразу назвала такие вещи достаточно редкие / то есть вот что которые / ну то есть ты ненавидишь / а че почему //

Б. Не ненавижу а наоборот мне не по себе в цирке из-за животных / не по себе в нашем свердловском зоопарке //

А. А что значит из-за животных не по себе / То есть ты боишься?

Б. Нет //

А. Почему?

Б. Ну кажется что они работают там не по своей воле // (Архив автора. Речезанровое интервью. Разговор друзей об отказах (диктофон); А., мужск., 43, Б., женск., 25 (2015)).

Принципы, лежащие в основе отказа или безотказности, связаны с личным опытом, могут быть соотнесены с определенным временем и / или событием, которые инициируют жанр воспоминаний и даже переключают речь в иную тональность, становятся частью откровенной самопрезентации, в которой обычно не проговариваемое вербализуется:

В. Вот например / я еще тоже удивляюсь / что я никогда не отказывал отцу например // Отец если там что-то говорил / я / в отличие от брата / брат мог сказать / нет я не пойду например / копать картошку / окучивать ее // Я мог / ему приспичит вот / сегодня / пойдем значит вот то-то то-то делать // Я как человек совершенно свободный / как они все рассуждают / что если я музыкант / то давай / значит я там / ничем не занимаюсь / дурью маюсь // Я шел / мне страшно это не нравилось / но я делал // В армии / но там приказы / хочешь – не хочешь / но я там очень много имел неприятностей / в армии например / потому что я там был постарше // Когда я // меня привезли туда / в эту армию // Мне исполнилось двадцать лет / а всем только восемнадцать // И я естественно на два года мыслил быстрее / и умнее // Предполагал как это будет / но там совершенно было по-другому // Я чаще всего / вот если мне там сержант / малолетка вот этот вот давал какой-то приказ / я ему говорил / иди ты в жопу / ну не буду я это делать и все // Вот там я очень много отказывался / потому что ну / реально / натурально / глупые какие-нибудь приказы / которые совершенно / я даже не мог понять / как это у человека в голове / а у него власть // И он мне вот там приказ / я говорю / иди в жопу // Ну за это конечно следовало сразу наказание / какая-нибудь // что-нибудь там помыть / почистить / как правило // И это / там я за это очень сильно расплачивался / но отказывал, потому что это не мог терпеть // но куда денешься // (Архив автора. Речезанровое интервью).

Вербализация ценностных установок

Принципы, которые лежат в основе отказа, могут не вербализовываться и с течением времени, ибо их строгая этическая формулировка не всегда соответствует тональности откровенного разговора (что-то остается само

собой разумеющимся, объединяющим коммуникантов):

С. Чем-то объясняешь / вот если там припомнить / когда отказываешь / ты проговариваешь какие-то объяснения // почему? Почему нет /

В. Если...

С. Ну вот человеку, той же женщине

В. Если... Да // если человеческие какие-то отношения / если в юности / допустим / я не знал / как это объяснить / например / ну просто говоришь нет // ну там как-то объяснить / что это / не люблю / или там / что вот это такое // <...> А если вообще нет / казалось бы нет никакой причины // Человек тебе говорит / ну что случилось? что? что? Я ж могу там // Нет / все / нет // Вот это да // А // С возрастом ты понимаешь / есть какое-то этому объяснение // Но это что касается отношений // Тут конечно посложнее // (Архив автора. Речежанровое интервью)

Принципиальным может быть и «трудный» отказ и «легкий». Труднее отказывать хорошо знакомым, близким людям. В авторефлексии заявленная позиция разворачивается, обрастает эмоциональным нарративом. Но принципы (иногда это просто привычки) отстают, когда речь идет о той группе людей, которым не отказываешь, что проявляется и в вербализации:

В. Я на машине всегда отказываю // Я не вожу никого //

С. Угу

В. Если когда я еду / мне не надо ничего говорить // Когда человек там машет / видя мою машину / они же знают / что в основном на таких [Старые «Жигули». – С. Д.] машинах занимаются извозом (смеется) //

С. Угу

В. И когда человек машет / я качаю головой / что нет / не вожу / и человек руку убирает // Мне это очень легко / и не надо ничего объяснять / и // другой разговор / когда мне кто-то говорит / что ты же поедешь в ту сторону [С. смеется] / я знаю / что в душе я не хочу чтоб кто-то со мной ехал // Наверное потому что я привык что я все время / я просто / я просто перемещаюсь в этой машине / я никого не перевожу // Я просто перемещаюсь и все / мне не надо ни за кого переживать / ничего // Я просто еду сам / не надо мне не с кем разговаривать / потому что моя голова заполнена какими-то мыслями там // А тут / вот это вот

С. Но ты же иногда сам предлагаешь / подвезти

В. Такое бывает // Но такое очень редко бывает // Это когда уже / знаешь // Это очень редко // Скорее все всего это / скорее всего это люди / с которыми мне всегда приятно / в любом случае // Я бы не отказал даже если бы они пришли ко мне ночью домой / я бы не отказал бы // нет // А это же совсем другое // (Архив автора. Речежанровое интервью)

Близкому человеку отказываешь иначе, избегая всякого притворства, не стараясь показаться лучше, чем есть:

В. Это что касается отказаться / отказаться // Вот если я / например / вот дочь мне звонит / а у меня планы / у меня / вот планы у меня сегодня на вечер план просто валяться на диване / даже допустим //

С. Угу

В. Ничего не делать / это план // Это у меня план [С. смеется] // Вот / и она мне звонит / пап / ты сегодня что делаешь? У меня сразу же так / угу / Мне бы вот / ты приезжай / мы это // У меня был план на диване поваляться [С. смеется] / вот был такой план // Она рушит мой план / весь // Вот рушит мой план // Я не могу ей сказать нет // (Архив автора. Речежанровое интервью).

Непринципиальный отказ близкому может характеризоваться осознанным эгоцентризмом, отказ вербализуется, обосновывается, даже если он не имеет под собой принципиального основания:

С. про мяса поесть или суп с курицей вообще молчу)

мне кажется, я, наоборот, близким отказываю легче, чем почти чужим.

я могла не выпивать. например. с друзьями встречаться. и все давай выпьем, а че ты не пьешь. ну, не хочется иногда. и ты не пьешь, все пьют. и ты всем объясняешь, что нет, точно не будешь, не хочется, не вкусно. а через день оказываешь не среди близких друзей, а ползнакомцев, в тусовке. и пьешь себе и в ус не дуешь, не отказываешь) че как дурак-то) (Диалог подруг в соцсети (личные сообщения, тема – отказ). 25–27 лет (2015)).

В ориентире на кооперативное общение, не отказываешь, а *просишь не просить*, опираясь на сложившиеся доверительные отношения:

В. Я всячески пытаюсь / все равно не говорю ему / что нет я не буду это делать // Я пытаюсь / вот как-то видимо / объяснить / ну не проси меня этого / не надо / не проси / но не говорю нет / ну не проси // и ты объясняешь это / тем или иным способом

С. Интересно

В. и результат получается очень ужасный // То есть результат получается / так не часто было / ну были такие случаи / это опять касается / тоже смешанные там какие-то отношения / и ты естественно / ты все время думаешь / ну почему у меня просит этот человек / ведь он должен знать / если он ко мне так относится / что меня не надо этого просить / нельзя этого просить / потому что это будет // И в результате ты получаешь естественно / ты так и не сказал / что / не отказался / я не буду это делать // Так и не сказал // Ты всяческими способами // И в результате ты получаешь результат / вдвойне для себя еще худший // Ты вроде как предал что ли / и там // Вот это вот беда // А то есть в определенном случае / в определенном смысле не мог сказать / там или там / нет / не буду делать это // Что было бы за этим? Человек все равно бы / может быть / отвернулся / ушел бы / сказал // Но я это действительно / меня лучше этого не просить / я этого делать не буду / никогда не буду / потому что это меня // В любом случае // Хоть для кого // но это может почувствовать только очень

близкий человек / действительно / этого не надо / потому что я к нему отношусь очень хорошо // Даже более / я никогда / ну может и мыслей таких никогда не возникает у этого человека / что там надо действительно // Вот если я например еще такой момент / я тоже для меня всегда была загадка / опять же это касается человеческих отношений // (Архив автора. Речежанровое интервью).

Разговор о принципиальном отказе касается и закрытых тем, например сексуальности (в разговорах коммуникантов эта тема, как правило, не поднимается). Но в данном разговоре она редуцируется, подпитываясь противоречием между отсутствием отказа и осознаваемым принципом удовлетворения подлинных потребностей:

В. Вот / еще один такой момент / я / то мне / тоже загадка / тоже касается удивительного / то что касается секса // Мне всегда было зага... / так интересно / что девушка всегда может сказать / что я устала там // Но мне тоже не всегда хотелось заниматься сексом // Ну вот честно могу сказать / я встречался много / моя жизнь она вообще такая бурная была // Иногда мне просто хотелось вот / не знаю там / можно просто поговорить / вот как мы сейчас // Но надо было вот это делать / это надо было вот // Мне казалось / что я тоже не должен отказывать // И я это делал // [С. смеется] но в другом случае / если например с девушкой / она / когда даже допустим я этого хотел / я хотел / а она допустим или устала / или черти че там у нее может быть // «Я не хочу / я // Не то что не хочу / давай вот это просто там» // Я все время думал / почему я не могу так сказать // Если я так скажу / скорее всего это может быть боязнь что / обо мне будут говорить как-то плохо / или там / что ты вот

С. Ну да / мужчине предписано хотеть / мочь

В. Да! И вот этот вопрос меня / он очень / всегда / кажется до сих пор мучает // И потом значит / у меня был такой удивительный случай / в моей жизни // когда значит / вот / встречаюсь вот так вот с девушкой // В принципе я никогда не отказывал / что касается вот этих / постельных так скажем // А она там иногда тэ-тэ // Но потом / проходит время / мы расстаемся // И все что-то там такое // И вот она мне заявляет / «Тебе кроме секса / ничего не надо было» // Это для меня вообще было / просто вот // Я говорю / объясняю / да // И ты уже не можешь это объяснить никак //

С. Смеется

В. Никак ты этого объяснить не можешь

С. Это между прочим / по-моему / тоже форма отказа // То есть вот сказать / тебе кроме секса ничего не надо было / это такой традиционный способ разорвать отношения // Ну как бы объяснить самому себе [В. Да] эти отношения [В. Да] / и объяснить / почему теперь ничего не будет [В. Да (смеется)] // Ну это любопытно // (Архив автора. Речежанровое интервью).

Вербализация принципиального отказа неразрывно связана с последующими действиями (как отмечалось выше, принцип должен воплощаться в действиях). Следующий

текстовый фрагмент – это разыгранный принципиальный отказ. Отповедь, которую получает нарушивший этические нормы проситель, пришедшей к «убогонькой» Аксиньюшке, проживающей у мещанки (Агния Афанасьевна), завершается корыстным требованием, превращающим отказ в манипуляцию.

Арбузкин. А нельзя ли, Аксиньюшка, по крайности, чувства ее на меня оборотить каким ни на есть манером? Что пушай, коли родители не выдают ее за меня, так хоша бы в любовь мне с ней сердечную войти. Помогите, Аксиньюшка, нет ли у вас какого против этого средства?..

Агния Афанасьевна. Что вы, почтеннейший, разве матушка такими делами займется? Разве она колдунья, али ворожейка какая, что станет вам приворотного зелья давать? Да она про твои греховные богомерзкие дела и слушать-то не захочет. Нуте-ка привороту просить!..

Арбузкин. Да ведь, пожалуйста, позвольте-с: ведь я не к тому-с... я только совета прошу, что мои чувства самые мучительные, измучили меня совсем. Извините пожалуйста.

Агния Афанасьевна. Да ты, лобезный человек, знал бы к кому с чем идти. Коли ты к блаженному человеку пришел, так ты не о том помышляй: мирские-то свои греховности оставь, а проси совета на дела добрые, да помышляй, как бы душу свою спасти...

Аксиньюшка. Парень девку полюбил, свою душу загубил, Богу не молится... Ха, ха, ха... (делая вдруг печальное лицо.) Простите, Христа ради... Не поминайте лихом.

Агния Афанасьевна. Слышишь ли, что матушка изволит говорить, внятно ли тебе это?.. То-то, любезенький мой! Вы ведь вот какой народ: придете вы беспокоить такого человека, говорите ему о всяких ваших мерзостях, а нет чтобы – на-ка, дескать, матушка, от моего усердия, раздайте на нищую братию, да помогите вы мне своим добрым советом, наставьте на путь. Тогда бы матушка тебе и сказала, как тебе, – к мирскому ли твоему удовольствию дела наследуют, али что к успокоению души твоей... (НКРЯ; А. А. Потехин. Новейший оракул (1860–1870)).

Адресат, получивший разъясненный принципиальный отказ, не может остаться равнодушным. Даже его предполагаемые спокойствие, невозмутимость или ирония суть отношение к заявленным мировоззренческим установкам.

Заключение

Ситуация принципиального отказа генетически связана с установкой на откровенность (и как честность, и как вскрытие сокровенного), так как отказавшему необходимо прояснить себе и окружающим некоторую мировоззренческую установку, не позволяющую смягчить отказ или снять напряжение каким-либо способом (поиском компромисса). В качестве показательного материала целесообраз-

разно привлечь открытые письма, содержащие отказ от премий и наград.

Окончательная вербализация принципиального отказа может быть отсрочена.

Ситуация принципиального отказа входит в конфликт с установками на скромность, вежливость, тактичность, что может проявляться в публичных откровенных высказываниях.

Принципиальный отказ может быть «трудным» и «легким». Уровень напряженности в ситуации принципиального отказа зависит от настойчивости сторон и диктумного содержания. Высшая степень – разрыв отношений в связи с непростительностью какого-либо поступка адресата.

Принципиальный отказ воплощается в последовательных действиях, в определении речеповеденческой стратегии, которая возлагает на отказавшего ответственность за соблюдение выявленного принципа.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-012-00382/18 «Речевой быт семьи: аксиологическая реальность и методы исследования (на материале живой речи уральского города)».

There ported study was funded by RFBR according to there search project №18-012-00382 A. “Everyday Speech within the Family: Axiological Reality and Research Methods (on the material of the Ural city’ s colloquial speech)”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гловинская М. Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект / под ред. Е. А. Земской. М.: Наука, 1993. С. 158–218.
2. Ершова Н. Б. Особенности функционирования речевых актов негативной реакции // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 56. С. 296–299.
3. Убушаева И. В. Отрицательные высказывания в диалогическом единстве // Гуманитарные исследования. 2011. № 1 (37). С. 116–119.
4. Симонова С. О. Коммуникативно-когнитивный аспект изучения способов смягчения речевого акта отказа // Вестн. ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2010. № 5. С. 128–138.
5. Симонова С. О. Коммуникативно-когнитивные особенности выражения косвенных и имплицитных речевых актов отказа в диалогическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 26 с.
6. Нестерова Т. В. Манипулятивные реализации интенции отказа в обиходном общении русских // Русский язык за рубежом. 2010. № 2 (219). С. 57–65.
7. Бычихина О. В. Высказывания со значением отказа: семантико-прагматический и когнитивный аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2004. 22 с.
8. Деметьев В. В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория персональности в лексике и прагматике. М.: Глобал Ком, 2013. 336 с.

9. Деметьев В. В. Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. 600 с.

10. Наумова М. М. Коммуникативная ситуация «откровенный разговор» // Филологические науки. Вопросы теории и практики: научно-теоретический и прикладной журнал. 2015. № 1, ч. 1. С. 127–129.

11. Наумова М. М. Откровенность в межличностной коммуникации: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2015. 200 с.

12. Наумова М. М. Специфика реализации откровенности в масс-медийном дискурсе // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2015. Т. 15, вып. 1. С. 107–110.

REFERENCES

1. Glovinskaya M. Ya. Semantika glagolov rechi s tochki zreniya teorii rechevykh aktov [Semantics of verbs of speech from the point of view of the theory of speech]. In : *Russkiy yazyk v yego funktsionirovanii. Kommunikativno-pragmaticheskiy aspekt* [Russian language in its functioning. Communicatively-Pragmatic Aspect]. Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 158–218 (in Russian).
2. Yershova N. B. Osobennosti funktsionirovaniya rechevykh aktov negativnoy reaktsii [Features of the functioning of speech acts of negative reaction]. *Sotsial'no-ekonomicheskiye yavleniya i protsessy* [Socio-economic phenomena and processes], 2011, no. 56, pp. 296–299 (in Russian).
3. Ubushayeva I. V. Otritsatel'nyye vyskazyvaniya v dialogicheskom yedinstve [Negative statements in dialogical unity]. *Gumanitarnyye issledovaniya* [Humanities], 2011, no. 1 (37), pp. 116–119 (in Russian).
4. Simonova S. O. Kommunikativno-kognitivnyy aspekt izucheniya sposobov smyagcheniya rechevogo akta otказа [Communicatively-cognitive aspect of studying ways of softening speech act of refusal]. *Vestnik LGU im. A. S. Pushkina* [Bulletin of Leningrad State University. A. S. Pushkin.], 2010, no. 5, pp. 128–138 (in Russian).
5. Simonova S. O. *Kommunikativno-kognitivnyye osobennosti vyrazheniya kosvennykh i implitsitnykh rechevykh aktov otказа v dialogicheskom diskurse* [Communicatively-cognitive features of the expression of indirect and implicit speech acts of refusal in dialogical discourse]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Moscow, 2011. 26 p. (in Russian).
6. Nesterova T. V. Manipulyativnyye realizatsii intentsii otказа v obikhodnom obshchenii russkikh [Manipulative realization of the intention of refusal in everyday communication of Russians]. *Russkiy yazyk za rubezhom* [Russian language abroad], 2010, no. 2 (219), pp. 57–65 (in Russian).
7. Bychikhina O. V. *Vyskazyvaniya so znacheniyem otказа: semantiko-pragmaticheskiy i kognitivnyy aspekty* [Statements with the meaning of refusal: semantic-pragmatic and cognitive aspects]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Barnaul, 2004. 22 p. (in Russian).
8. Demytyev V. V. *Kommunikativnyye tsennosti russkoy kul'tury: kategoriya personal'nosti v leksike i pragmatike* [Communicative values of Russian culture: the category of personality in vocabulary and pragmatics]. Moscow, Global Kom Publ., 2013. 336 p. (in Russian).
9. Demytyev V. V. *Teoriya rechevykh zhanrov* [The theory of speech genres]. Moscow, Znak Publ., 2010. 600 p. (in Russian).
10. Naumova M. M. Kommunikativnaya situatsiya “otkrovennyy razgovor” [Communicative situation “frank conversation”]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i*

praktiki: nauchno-teoreticheskiy i prikladnoy zhurnal [Philological sciences. Questions of theory and practice: a scientific-theoretical and applied journal], 2015, no. 1, part 1, pp. 127–129 (in Russian).

11. Naumova M. M. *Otkrovennost' v mezhlchnostnoy kommunikatsii* [Frankness in interpersonal communication].

Diss. Cand. Sci. (Philol.). Volgograd, 2015. 200 p. (in Russian).

12. Naumova M. M. Spetsifika realizatsii otkrovennosti v mass-mediynom diskurse [Specific Features of the Realization of Frankness in the Mass-media Discourse]. *Izv. Sarat. Univ. (N. S.) Ser. Philology. Journalism*, 2015, vol. 15, iss. 1, pp. 107–110 (in Russian).

Статья поступила в редакцию 26.11.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Данилов С. Ю. Принципиальный отказ в ключе откровенности // Жанры речи. 2018. № 4 (20). С. 261–269. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-4-20-261-269>

For citation

Danilov S. Yu. Aspects of frankness of the refusal based on personal principles (categorical refusal). *Speech Genres*, 2018, no. 4 (20), pp. 261–269 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-4-20-261-269>